

ОБРАЩЕНИЯ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ

© 2007 А. С. Куркина

Воронежский государственный университет

Обращения в коммуникативном поведении человека ярко раскрывают индивидуальные особенности его речевой деятельности, характеризуют его как неповторимую коммуникативную личность. В этом плане уникальный материал для реконструкции коммуникативной личности А. П. Чехова дает его личная переписка.

Установление контакта с собеседником является важным параметром коммуникативной личности. Коммуникативный успех во многом зависит от того, как адресант начинает общение, как он называет собеседника.

Наименование адресата является результатом творческого акта в познавательной деятельности говорящего. При этом в основу номинации адресата могут быть положены различные признаки: как существенные, объективные, так и несущественные, второстепенные или даже окказиональные [1, 26].

Обращаясь к своему собеседнику, адресант может акцентировать внимание как на физических и психических особенностях, так и на социальных проявлениях адресата.

Значительную часть начальных обращений в письмах А. П. Чехова составляют неординарные обращения, что характеризует его как весьма оригинальную и творческую языковую личность. Как правило, подобные обращения писатель использует в общении с родственниками и близкими знакомыми.

Чеховские обращения многофункциональны, они настраивают адресата на определенную тональность общения. Нередко они являются частью коммуникативной стратегии адресанта для создания оригинального «коммуникативного рисунка» сообщения с учетом интересов и свойств собеседника.

Обращения в письмах А. П. Чехова выполняют *этическую* (служат знаками вежливости), *фатическую* (служат для установления речевого контакта с собеседником), *прагматическую* (служат для воздействия на адресата) и *эмоциональ-*

но-характеризующую функции. Во многих речевых ситуациях обращение Чехова к собеседнику может выполнять одновременно несколько функций.

Среди неординарных обращений в чеховских письмах можно выделить несколько типов.

1. ЭКСПРЕССИВНЫЕ СИТУАТИВНО-ОЦЕНОЧНЫЕ ОБРАЩЕНИЯ

Обращения подобного рода имеют максимально ситуативный и окказиональный характер, имеют в письмах А. П. Чехова обычно единичную встречаемость и используются по отношению к конкретному собеседнику.

А. П. Чехов именует адресата метафорическим именем по какому-либо временному, ситуативно обусловленному признаку. Писатель обращает внимание на несколько признаков, которые наиболее ярко характеризуют адресата: его психическое или физическое состояние, обозначившуюся в определенный момент черту его характера, значимое событие в его жизни, его временное географическое местоположение. Данные обращения обладают большой выразительностью, образностью, эмоциональной насыщенностью. Ярко выраженная экспрессия делает эти обращения настолько неординарными, что заменить их нейтральными невозможно. Обращения этого типа можно разделить на 3 группы.

1) Обращения, гипертрофирующие какое-либо из свойств личности, одну из черт характера, физическое самочувствие адресата или тональность его настроения в конкретной ситуации.

Подобные обращения часто содержат в себе в свернутом виде намек на содержание текста письма или акцентируют внимание на каком-либо отрывке из него. Данные обращения выполняют обычно конкретную прагматическую функцию и служат для воздействия на адреса-

та. Они могут употребляться со следующими целями.

– С целью выражения упрёка:

“*Образованнейшая и лютейшая Любовь Александровна!*” (т. 1, с. 36) – обращается в своем письме А. П. Чехов к Л. А. Камбуровой и сразу настраивает свою собеседницу и на последующий упрёк, и на шуточный тон письма, в котором писатель корит Любовь Александровну за то, что она, написав брату огромное письмо, ни словом не упомянула А. П. Чехова.

“*Добрейший и тяжелейший на подъем Франц Осипович!*” (т. 1, с. 248) – начинает свое письмо к Ф. О. Шехтелю Антон Павлович с комплимента и одновременно с упрёка, который развернется дальше в письме в шуточно-менторский укор и дружеское приглашение на дачу.

Письмо к А. Л. Селивановой-Краузе, начинающееся с обращения “*Бессердечная немка!*” (т. 6, с. 293), также “не предвещает ничего хорошего”, так как далее следует шуточный выразительный упрёк в невыполнении поручения.

“*Легкомысленный и посмеяния достойный брат мой Александр!*” (т. 1, с. 44.) – пишет А. Чехов брату Александру, и далее, сразу после обращения, приводит в шуточной форме по пунктам факты, говорящие о легкомыслии брата в конкретной ситуации.

– С целью выражения просьбы:

“*Милейший Банк!*” (т. 1, с. 179) – так начинает А. П. Чехов письмо своему другу М. М. Дюковскому и уже с самого начала акцентирует внимание на таком внутреннем качестве адресата, как щедрость и безотказность. Цель обращения очевидна – писатель просит денег взаймы, что подтверждается в последующем тексте письма.

– С целью извинения:

“*Обманутый Человек! Простите за обман!*” (т. 1, с. 258) – обращается А. П. Чехов к Ф. О. Шехтелю и одновременно извиняется, заостряя его внимание на том, что невольно подвел адресата, и далее объясняет причину этого недоразумения. “*Сердитая Лидия Алексеевна, мне очень хочется повидаться с Вами, очень – несмотря даже на то, что Вы сердитесь и желаете мне всего хорошего “во всяком случае”*” (т. 6, с. 307) – к Л. А. Авилевой.

– С целью сочувствия и медицинского назначения:

“*Бедная, больная Ликиша!*” (т. 4, с. 242) – пишет А. П. Чехов Лике Мизиновой; “*Мое Вам почтение, недугующий Николай Александрович!*” (т. 2, с. 69) – обращается Чехов к Н. А. Лейкину. Оба эти письма посвящены медицинским назначениям.

– С целью утешения:

Начиная свое письмо И. Л. Леонтьеву (Щег-

лову) словами: “*Милая трагическая Жанушка!*” (т. 3, с. 267), писатель делает намек на нервность натуры своего доброго знакомого, на его склонность все преувеличивать и драматизировать: “*Успокойте Ваши щеглиные нервы, и да хранит вас небо!*” – пишет Чехов далее в письме.

2) Обращения, акцентирующие внимание на временном географическом местоположении адресата.

Данные обращения А. П. Чехов обычно употребляет со сравнительно-сопоставительной целью. По пути на Сахалин писатель в письмах к своим родным обращается: “*Друзья мои тунгусы!*” (т. 4, с. 65, 68, 70, 95), намекая на то, что все его близкие остались на севере, а он держит путь на восток. А в обращении к брату Александру: “*Европейский брат!*” акцентируется внимание не только на географическом местоположении адресата, но на цивилизованных условиях, в которых находится его брат (т. 4, с. 105). Со сравнительно-сопоставительной целью используется и концовка письма: “*Твой азиатский брат А. Чехов*”.

3) Обращения, акцентирующие внимание на каком-нибудь поступке адресата или главном событии из его жизни (в основном на женитьбе или на рождении ребенка).

Для характеристики собеседника писатель использует окказиональные прилагательные: “*Доброчастивый брат мой, Александр Павлович! Первым делом поздравляю тебя и твою половину с благополучным разрешением и прибылью, а город Таганрог со свеженькой гражданкой...*” (т. 1, с. 53) – пишет А. П. Чехов своему старшему брату Александру и акцентирует внимание не только на таком счастливом и торжественном событии, как рождение ребенка, но и дает шутовую оценку возможностям и здоровью брата.

Похожие обращения с намеком встречаем и в письмах к брату от 24 или 25 июля 1891 г. и от 6 августа 1891 г.: “*Фотографический и плодовитый брат мой!*” (т. 4, с. 252); “*Плодовитая смоковница!*” (т. 4, с. 258).

А своему коллеге доктору П. Г. Розанову А. П. Чехов намекает на такое важное недавнее событие в его жизни, как женитьба: “*Женатый коллега!*” (т. 1, с. 181).

II. ЭКСПРЕССИВНО-ОЦЕНОЧНЫЕ ОБРАЩЕНИЯ, НЕ ЗАКРЕПЛЕННЫЕ ЗА КОНКРЕТНОЙ СИТУАЦИЕЙ

1) Обращения, шуточно возвеличивающие собеседника.

а) *Шуточно-почтительные обращения.*

Данные обращения употребляются А. П. Чеховым в основном в письмах дружеского характера к очень уважаемым им людям или к своим близким с целью выразить шутовскую почтительность собеседнику. Для этого он часто использует официальные формулы речевого этикета, которые выполняют не столько этикетную функцию, сколько эмотивную и фатическую.

Приведем несколько примеров: “*Ваше Превосходительство!*” (т. 3, с. 189, 294) – к А. С. Суворину. “*Ваше Благородие!*” (т. 1, с. 206) – к М. М. Дюковскому. “*Ваше Высокородие!*” (т. 2, с. 146; т. 4, с. 311) – к А. С. Киселеву. “*Sire!*” (т. 1, с. 240; т. 2, с. 109, 123; т. 3, с. 40); “*Vive le roi!*” (Да здравствует король! – франц.) (т. 1, с. 195) – к Ф. О. Шехтелю. “*Sire!*” – к В. В. Билибину (т. 1, с. 195).

В письмах А. П. Чехова встречаются также обращения, построенные по образцу официальных формул речевого этикета. Данные обращения, похожие на шутивно-велеречивые титулы, писатель использует в основном в письмах к брату Александру: “*Ваше великолепие!*” (т. 5, с. 206); “*Ваше Целомудрие!*” (т. 1, с. 14); “*Ваше Вдовство!*” (т. 2, с. 314); “*Владыко!*” (т. 5, с. 349; т. 6, с. 16); “*Отче Александре!*” (т. 2, с. 334); “*Отче Повсекакие!*” (т. 6, с. 127); “*О. Архимандрит!*” (т. 2, с. 216); “*Литературный брандмайор!*”; “*Велемудрый секретарь!*” (т. 2, с. 120).

Некоторые официальные обращения А. П. Чехов смягчает элативами, намеренно нарушая при этом этикетную норму: “*Милейший надворный советник!*” (т. 2, с. 155, 214) – к А. С. Лазареву (Грузинскому). “*Милейший маэстро!*” (т. 2, с. 66) – к Ф. О. Шехтелю.

Иногда А. П. Чехов обращается к собеседнику как “низший” к “высшему”, шутивно подчеркивая свое крестьянское происхождение. Несколько раз в своих письмах к А. С. Киселеву писатель использует формулу обращения: “*Барин!*” (т. 2, с. 201), “*Милый барин!*” (т. 2, с. 273; т. 3, с. 37). А обращаясь к В. С. Миролубову, пишет: “*Милостивейший государь Виктор Сергеевич, Отец и благодетель!*” (т. 5, с. 290).

Средством создания экспрессии в данных выше обращениях является языковая игра: А. П. Чехов преднамеренно употребляет стилистически маркированные знаки этикета в несоответствующей им ситуации.

б) *Обращения-комплименты, акцентирующие внимание на одной из положительных черт личности адресата или его внешности.*

Большая часть обращений этого типа содержит формы элативов (высшей степени качества): *талантливейший, счастливейший, добрейший, бескорыстнейший* и т. п.: “*Талантливейший из*

всех архитекторов мира!” (т. 2, с. 37) – к Ф. О. Шехтелю. “*Счастливейший избранник Гименя, добрейший доктор и восхитительный мужчина!*” (т. 3, с. 302) – к Н. Н. Оболонскому. “*Многоуважаемый и добрейший, как самая добрая маменька, Леонид Николаевич!*” (т. 1, с. 215) – к Л. Н. Трефолеву. “*Добрейший из юмористов и помощников присяжного поверенного, бескорыстнейший из секретарей Виктор Викторович!*” (т. 1, с. 189) – к В. В. Билибину.

А. П. Чехов употребляет также обращения, избобилующие эпитетами: “*Милый мой collega, Татьяна Львовна, великая писательница земли русской!*” (т. 5, с. 270) – к Т. Л. Щепкиной-Куперник. “*Здравствуйте, Клеопатра Александровна, великая артистка земли русской!*” (т. 5, с. 271); “*Великая актриса земли русской!*” (т. 6, с. 66, 122, 124) – к К. А. Каратыгиной. “*Талантливая Мария Владимировна!*” (т. 3, с. 84) – к М. В. Киселевой. “*Прекрасный Игнациус!*” (т. 6, с. 137); “*Неистовый Игнациус!*” (т. 6, с. 368) – к И. Н. Потапенко. “*Elegantissime!*” (т. 2, с. 41) – к Ф. О. Шехтелю. “*Добрый Саша!*” (т. 5, с. 277; т. 6, с. 77); “*Бедный, но благородный брат!*” (т. 5, с. 175) – к брату Александру. “*Благородная сестрица!*” (т. 4, с. 194) – к сестре М. П. Чеховой.

Высшей экспрессии в выражении восхищения достигают обращения с окказиональными прилагательными: “*Золотая, перламутровая и фильдекосовая Лика!*” (т. 4, с. 231); “*Очаровательная, изумительная Лика!*” (т. 4, с. 240); “*Милая, великолепная Лика!*” (т. 5, с. 254); “*Добрая Лидия Стахиевна!*” (т. 6, с. 224); – к Л. С. Мизиновой.

2) Обращения, шутивно дискредитирующие собеседника.

Обращения этого типа А. П. Чехов использует только по отношению к своему брату Александру. Они имеют ярко выраженный экспрессивный характер. Как и другие экспрессивно-оценочные обращения, данный тип включает окказионализмы, например: *двулично-вольнодумствующий, недоуменный ум, иудино окаянство*, ббб и т. д. Шутивно-дискредитирующие обращения акцентируют внимание на “отрицательных чертах” личности адресата, обычно являясь частью коммуникативной стратегии в создании таких речевых жанров, как поручение, приказание, нравоучение, совет, критическое замечание. Эти обращения писатель часто использует с шутивно-регулятивной целью.

а) *Обращения, указывающие на “безнравственность” собеседника:*

“*Безнравственный брат!*” (т. 6, с. 275); “*Брат наш мерзавец Александр Павлович!*” (т. 1, с. 87); “*Беззаконно живущий и беззаконно погибающий*

брат мой!” (т. 3, с. 163); *“Беззаконно живущий и беззаконно погибающий брат наш Александр!”* (т. 3, с. 200); *“Бездельник!”* (т. 2, с. 241); *“Шантажист!”* (т. 2, с. 25); *“Гнусный шантажист!”* (т. 2, с. 235); *“Неблагодарный брат!”* (т. 5, с. 248, 251, 299); *“Недостойный брат!”* (т. 5, с. 291; т. 6, с. 138); *“Неблагодарный и недостойный брат!”* (т. 5, с. 240); *“Двуличновольнодумствующий Сашиа!”* (т. 6, с. 68, 167); *“Двулично-вольнодумствующий брат наш! Сим извещаю твое благоутробие, что я уже вернулся из гнилого запада и живу на даче (зри выше адрес)”* (т. 4, с. 230).

б) *Обращения, указывающие на “недостаток ума” собеседника:*

“Голова садовая!” (т. 2, с. 32); *“Недоуменный ум!”* (т. 2, с. 275); *“Недоуменный ум! Сейчас я имел неосторожность прочитать два твоих открытых письма. Свою безграмотностью, бессодержательностью и отвратительным слогом они испортили мне то светлое настроение, какое я испытывал сегодня, прочитав свой рассказ “Верочка”* (т. 2, с. 33).

в) *Обращения, указывающие на “дурные наклонности” собеседника:*

“Алкоголизм!” (т. 3, с. 246); *“Пьяница!”* (т. 3, с. 26); *“Раскаявшийся пьяница!”* (т. 3, с. 58); *“Прорва!”* (т. 2, с. 233).

г) *Обращения, указывающие на “ничтожность личности” собеседника:*

“Ничтожество!” (т. 2, с. 44); *“Инфузория!”* (т. 4, с. 25); *“Ремешок от штанов!”* (т. 1, с. 283); *“Дубина! Хам! Штаны! Ум недоуменный и гугнивый!”* (т. 2, с. 95); *“Маленькая польза!”* (т. 2, с. 264, 265); *“Маленькая польза! Пожелав тебе самой большой пользы, отвечаю тебе на твое письмо”* (т. 1, с. 68); *“Финюга, маленькая польза, взяточник, шантажист и всё, что только пакостного может придумать ум мой! Нюхаю табак дабы чихнуть тебе на голову 3 раза, и отвечаю на все твои письма, которые я читал и упрекал в непадении”* (т. 1, с. 192).

д) *Обращения, указывающие на принадлежность собеседника к “темным силам”:*

“666!” (т. 3, с. 77); *“Столп злобы! О, иудино окаянство!”* (т. 2, с. 250).

е) *Обращения, указывающие на “отсутствие” у собеседника литературного таланта:*

“Лжедраматург, которому мешают спать мои лавры!” (т. 3, с. 209); *“Журнальный лилипут!”* (т. 3, с. 237); *“Ненастоящий Чехов!”* (т. 2, с. 283); *“Разбойник пера и мошенник печати!”* (т. 2, с. 137); *“Бесшабашный шантажист, разбойник*

пера и мошенник печати!! Отвечаю на твое поганое и поругания достойное письмо по пунктам...” (т. 2, с. 317).

Рассмотрев разные типы экспрессивно-оценочных обращений, можно сделать вывод, что обращения с негативной оценкой собеседника явно преобладают над обращениями с положительной оценкой, особенно по отношению к брату Александру. Это объясняется, видимо, короткой коммуникативной дистанцией между собеседниками и, как следствие, игровым типом коммуникативных отношений.

III. СОЦИАЛЬНО-РОЛЕВЫЕ ОБРАЩЕНИЯ

В коммуникативном акте А. П. Чехов отмечает не только психологические, физиологические и личностные характеристики, но и социально-ролевые проявления собеседника. Любой человек, реализуя себя в социуме, осуществляет какую-либо социальную роль, которая может задавать модель коммуникативного поведения как адресата, так и адресанта. “Социально-ролевые наименования называют адресата по переменной социальной характеристике, актуализированной в момент коммуникативного акта:

1) по роду деятельности, должности, званию, чину;

2) по выполняемой в данный момент другой социально-значимой роли,

проявляющейся в речевом поведении адресата” [2: 101-102]. Приведем несколько примеров социально-ролевых обращений в письмах А. П. Чехова. В некоторых обращениях писатель в момент коммуникации может акцентировать свое внимание на месте работы адресата, которое определенным образом характеризует адресата: *“Таможенный брат мой Александр!”* (т. 1, с. 41); *“Уловляющий контрабандистов-человеков-вселенную, таможенный брат мой, краснейший из людей, Александр Павлыч!”* (т. 1, с. 45); *“Карантинно-таможенный Сашиа!”* (т. 1, с. 176); *“таможенно-карантинный человек”* (т. 1, с. 229) — обращается Антон Чехов к своему брату Александру. *“Добрейший столоначальник Александр Павлович!”* — в письме от 25 января 1883 г. (т. 1, с. 49). Данные обращения содержат в себе информацию о том, что Александр с некоторых пор стал важным человеком, так как работает на таможне. Подобные социально-ролевые обращения находим и в последующих письмах к Александру, где А. П. Чехов в шутивно-ироническом тоне отмечает значимость информации о новом месте работы брата в журнале “Пожарный”: *“Пожарный*

Саша!” (т. 4, с. 29); *“Пожарный брат мой! Теперь я верю в предчувствия и пророчества: когда в детстве ты орошал по ночам свою постель и потом в отрочестве, кроме орошения, занимался еще и тем, что бегал на пожары и любил рассказывать о пожарной команде, бегущей по каменной лестнице, — тогда еще следовало предвидеть, что ты будешь пожарным редактором. Итак, поздравляю. Туши, Саша, пожары своим талантливым пером на шереметьевский счет, а мы будем радоваться”* (т. 4, с. 364).

Иногда обращения могут содержать намек на должность адресата: *“Кокарда!”* (т. 1, с. 240) — к брату Ивану.

Письма к своему другу Ивану Леонтьевичу Леонтьеву (Щеглову) А. П. Чехов часто начинает с обращения: *“Капитан!”* (т. 2, с. 198, 267; т. 3, с. 191); *“Милый капитан!”* (т. 2, с. 161, 188, 204, 297); *“Милейший капитан!”* (т. 2, с. 245); *“Дорогой капитан!”* (т. 2, с. 248); *“Храбрый капитан”* (т. 2, с. 209), акцентируя внимание на чине адресата (капитана-от-артиллерии), участвовавшего в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

Отметим, что повторенное неоднократно обращение *“Капитан”* закрепилось за адресатом и стало прозвищем.

В письмах А. П. Чехова встречаются также начальные обращения, акцентирующие внимание на роде деятельности адресата. Так, например, писатель несколько раз обращается к И. Л. Леоньеву-Щеглову, называя его: *“Милый господин театрал!”* (т. 3, с. 179); *“г. Театрал!”* (т. 3, с. 250); *“Милый мой драматург”* (т. 2, с. 282).

Особенностью социально-ролевых обращений в письмах А. П. Чехова на функциональном уровне является их экспрессивность, что не свойственно стереотипным социально-ролевым обращениям. А на лексико-семантическом уровне неординарность данных обращений проявляется в том, что группа социально-ролевых наименований адресата формируется А. П. Чеховым не только именами существительными, но и окказиональными прилагательными, которые употребляются писателем в несвойственном для прилагательных значениях. Этот факт указывает на

игровой тип языковой личности, а также на игровой тип коммуникативных отношений между собеседниками.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Большинство обращений у А. П. Чехова имеет оценочно-характеризующий и экспрессивный характер. А. П. Чехов использует обращения в качестве оригинального образного средства, которое употребляется писателем не только с целью привлечения внимания, но и с целью воздействия на собеседника. Значительная часть используемых обращений выполняет прагматическую (воздействующую, регулятивную) функцию. Обращения в письмах Чехова могут выражать укор, сочувствие, просьбу, комплимент, побуждение к действию, приказ, нравоучение, интимный код, призыв отнестись к словам адресанта и к самой ситуации с юмором и т. д. Неординарные начальные обращения являются частью коммуникативной стратегии писателя.

2. Вступая в общение с симпатичными и близкими ему людьми, А. П. Чехов стремится к разрушению этикетных шаблонов, тем самым сокращая коммуникативную дистанцию с собеседниками. Количество неординарных обращений обратно пропорционально величине коммуникативной дистанции между собеседниками. Больше всего нестандартных обращений А. П. Чехов употребляет в письмах к старшему брату Александру. Стремление к использованию неординарных обращений характеризует А. П. Чехова как игровую языковую личность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мигирова Н. М. Типы номинаций для обозначения статусов лица в современном русском языке / Н. М. Мигирова. — Кишинев: Штиинца, 1980. — 186 с.

2. Полонский А. В. Категориальная и функциональная сущность адресатности / А. В. Полонский. — М.: Русский Двор, 1999. — 212 с.

3. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах / А. П. Чехов. — М.: Наука, 1974. — Т. 1-6.

Рецензент — О. Н. Чарыкова.

Статья принята к печати 14.10.2006.